

В.П. Пугачев*

МИКРОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В наши дни едва ли кто-нибудь поставит под сомнение низкую эффективность государственного управления в России. Объявленные в начале 90-х годов главные цели реформирования (и государственного управления) – повышение эффективности экономики и демократизация общества – так и не достигнуты. Специалисты из ЮНЕСКО оценивают состояние нашей страны как «вялотекущую национальную катастрофу». Производительность труда за последнее десятилетие упала в 1,5 – 2 раза. По многим геополитическим показателям страна отброшена к допетровским временам. Реальной стала перспектива демографического вымирания народа в рамках 2–3 поколений. Степень социального неравенства в России в 2,5 раза превышает уровень начала социального деградирования¹. Распад морали и криминализация сознания и поведения граждан стали общенациональной проблемой.

Не лучше обстоят дела и с демократией. В стране так и не сложилось сколь-нибудь влиятельное гражданское общество. Оппозиция фактически лишена прямого доступа к главному инструменту формирования общественного мнения и электорального выбора – телевидению. У кормила государственной власти продолжает оставаться партия «Семьи» – кадры, сделавшие карьеру при правлении Б.Н. Ельцина и доказавшие свою профессиональную некомпетентность и крайне низкий уровень служебной этики. Несмотря на целый ряд попыток реформировать государственный аппарат и множество соответствующих проектов, «реальное реформирование государственной службы России до сих пор так и не началось... Ключевые элементы функционирования государственной службы, которые и определяют качество, эффективность и результат исполнения служащими отдельных государственных функций от имени и по поручению государства, так и остались нетронутыми»².

Весьма точно низкую эффективность российского государственного управления до сих пор отражает крылатый афоризм В.С. Черномырдина – «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

С чем связан ставший очевидным факт, что даже вполне реалистичные цели государственной политики и управления чаще всего остаются у нас так полностью и не реализованными или же их последствия оказываются совсем иными, чем предполагалось? Ответить на этот вопрос позволяет, на мой взгляд, анализ микрополитики и ее гипертрофированного роста в современной России.

Что такое микрополитика и почему она возникает? Хотя в последнее десятилетие микрополитика расцвела у нас самым пышным цветом и страна является своего рода «заповедником» микрополитики, само это слово в России знакомо лишь немногим. Да и на Западе оно появилось лишь в 60-е годы и получило разработку сравнительно недавно.

* Пугачев Василий Петрович – доктор философских наук, профессор.

¹ См.: Римащевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социс. 1997. № 7. С. 59.

² Реформа государственной службы России: история попыток реформирования с 1992 по 2000 год / Ред. и предисл. Т.В. Зайцевой. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. С. 21–22.

Микрополитика – устойчивая целенаправленная деятельность руководителей и других членов предприятия или учреждения по реализации с помощью влияния на власть и организационный порядок личных интересов, противоречащих официальным целям, ценностям и предписаниям организации. Микрополитика существует как в государственных и общественных, так и в коммерческих организациях.

Микрополитика имеет целый ряд аспектов.

Микрополитика – это не любые действия ради личной выгоды, а устойчивая, преследующая перспективные цели деятельность, т.е. это как бы маленькая, микроскопическая повседневная политика, которой пользуются в организации любые сотрудники – от высших руководителей до простых исполнителей – для того, чтобы прочно обеспечить или защитить свои особые личные интересы.

Микрополитика – это деятельность по реализации личных и групповых интересов, которые не совместимы с провозглашенными в организации целями и ценностями, нормами поведения и требованиями, предъявляемыми к сотрудникам, противоречат официальным установкам. Микрополитика обычно противостоит макрополитике, реализующей общую стратегию организации.

Питательная среда, почва микрополитики – конфликты между личными и организационными интересами. Там, где есть такие конфликты и слабы механизмы их сдерживания и прежде всего ослаблен организационный контроль за сотрудниками, в том числе руководителями, следует ожидать появления микрополитики.

Главные цели микрополитики – власть в организации, ее обретение, использование и удержание, а также влиятельные позиции, связанные с распределением ресурсов и удовлетворением индивидуальных потребностей и амбиций.

Микрополитика – это индивидуальная или складывающаяся на личной основе групповая деятельность. Каждый ее субъект стремится получить с ее помощью выгоду для себя лично.

Микрополитика – это неформальные отношения, которые противостоят формальным структурам, официально закрепленным целям и требованиям организации.

Микрополитика представляет собой скрытую, теневую, закамouflированную деятельность. Хотя некоторые микрополитические действия могут вестись открыто, их подлинные цели обязательно скрываются (например, действия чиновника, вымогающего взятку с предпринимателя посредством придинок к незначительным неточностям в оформлении документов, прикрываются заботой о строгом исполнении служебных инструкций). В тех или иных масштабах микрополитика распространена всюду, во всех организациях, однако обычно она не бросается в глаза, внешне незаметна.

В силу конфликтности по отношению к организационным целям и ценностям микрополитика осуществляется в запретном или свободном от организационного регламентирования пространстве. Особенно «любимы» микрополитикой так называемые «серые зоны», т.е. сферы организационного поведения, прямо не регламентированные организационными нормами. Известно, что далеко не каждый сотрудник решится явно нарушать запреты, четко определенные правила и предписания. Однако если таких предписаний нет, то люди обычно стремятся вести себя так, как этого требуют их личные интересы и склонности, часто идущие в разрез с интересами организации.

Конкретных проявлений микрополитики очень много. Ее содержание составляют самые разнообразные действия по реализации конфликтных интересов, целей и стратегий, использующие различного рода приемы, тактики, игры и т.п. для камouflирования обычно

неблаговидных целей и повышения эффективности микрополитики.³ Все содержание микрополитики можно расположить между двух оценочных полюсов. Один из них охватывает криминальные действия (фальсификация результатов работы, саботаж, шпионаж, взяточничество, воровство, злонамеренная клевета, шантаж и т.д.). «Середина» континуума микрополитики имеет вполне привычный и приемлемый вид (комплименты, передача слухов, личные связи, действия по принципу «ты – мне, я – тебе», произведение эффекта, забота о личных отношениях, нарушение бюрократических предписаний и т.п.). Второй же полюс микрополитики может включать позитивные с точки зрения морали социальные действия (например, солидарные действия сотрудников в поддержку незаконно увольняемого руководителя).

Любая микрополитика причинно обусловлена. Ее главные *объективные причины*:

- дефицит ресурсов, несовпадение индивидуальных и организационных интересов;
- реальная и более легкая (или единственная) возможность удовлетворить свои личные интересы через микрополитические действия, например, реальная возможность низкооплачиваемого политика или чиновника повысить свой доход с помощью получения взяток;
- слабость контроля и ответственности;
- организационно нерегламентированное пространство действий;
- недоверие к руководству организации и, как следствие, стремление самому позаботиться о себе;
- несовершенство организации; противоречивость или оторванность от реальности ее норм и правил, не позволяющие реализовать организационные цели без нарушения этих норм;
- тяжелые условия жизни или труда, несправедливость организационного порядка и политики руководства.

Главным движителем всех этих причин микрополитики является конфликт между индивидуальными и организационными интересами и целями.

Существуют также и *субъективные причины микрополитики*. Они связаны с культурой, ценностными ориентациями и привычками людей. Наиболее общей ценностной основой микрополитики являются индивидуализм и эгоизм, стремление любым путем, невзирая на интересы окружающих, всей организации удовлетворить свои личные потребности и желания. В условиях несовпадения личных и организационных интересов при слабости организационного контроля и ответственности индивидуалистические, эгоистические установки с неизбежностью порождают микрополитические действия.

Микрополитика как антипод управления. Несмотря на определенные позитивные последствия микрополитических действий (главным образом для использующих их людей), развитие этого явления представляет серьезную опасность для любой организации и целого государства. Микрополитика – антипод всякой управляемости. Очевидно, что если члены организации действуют в разных направлениях, причем направлениях, противоположных вектору организационных целей, то это парализует всякое управление. Такая ситуация ярко отображена в известной басне И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак»:

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,

³ См.: Пугачев В.П. Микрополитика как фактор социальной деградации в современной России // Полигнозис. 2002. № 4. С. 48–56.

Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
Да только воз и ныне там⁴.

Действие микрополитики применительно к достижению крупных организационных целей менее заметно, чем при выполнении простой задачи – везти воз с поклажей в басне Крылова, но не менее деструктивно. Ее гипертрофия может до неузнаваемости исказить смысл деятельности государственной организации, парализовать управление ею, внести в ее деятельность хаос и анархию. Микрополитика ведет к отвлечению сил и энергии от организационных целей, к бесплодному расточению или растаскиванию ресурсов. В организации с гипертрофированной микрополитикой время и энергия тратятся не на работу в общих целях, а на изыскание и получение сугубо личной выгоды за счет и в ущерб целям всей организации, борьбу с соперниками, закладывание и обезвреживание подложенных ими «мин», разного рода интриги, игры и т.п.

Рост интенсивности и экстенсивности микрополитики может привести к организационному сбою, от которого страдают все, а не только те, чьи права или привилегии ставятся ею под вопрос. Микрополитика подрывает психологический климат в организации, вызывает у людей страх, недоверие, подозрительность. В группе, где ее члены преследуют главным образом лишь свои эгоистические интересы, нельзя ни на кого положиться. Там нет определенных друзей и врагов, поскольку завтра, при изменении интересов они поменяются местами. Особенно тягостно микрополитика воспринимается людьми, у которых есть твердые нравственные принципы, которые не любят конфликтов, неопределенность, двусмысленность. Страх перед микрополитикой испытывают также те, кто в настоящее время обладает властью и ресурсами, но не уверен в их сохранении в будущем.

Разрастание микрополитики вызывает к жизни действие спирали недоверия, которое сильно осложняет социальное общение, т.к. вызывает необходимость все большей предварительной подготовки, подстраховки и контроля. Возникает опасность «войны всех против всех», чреватой забвением самого смысла существования организации.

Микрополитика обладает способностью, подобно опасному вирусу, проникать на все уровни и во все клетки социального организма, изменять их функции и постепенно разрушать организм как целое. Особенно разрушительное социальное влияние микрополитика оказывает поражая главный институт управления обществом – государство. В этом случае она способна «заразить» и в большей или меньшей степени разложить всю социальную систему, а точнее, все те сферы, в которые проникает государственное управление и влияние.

С чем же связаны возможности столь сильного дезорганизующего и разрушительного влияния микрополитики на общество и систему управления им? Ответить на этот вопрос позволяет использование выводов синергетики и прежде всего теории управляемого хаоса или управляемых катастроф.

Микрополитика как источник анархии, движитель социального хаоса и системной деградации. Микрополитика – одна из основополагающих категорий синергетики и прежде всего теории управляемого хаоса. В последние десятилетия в связи с успехами синергетики и смежных с ней дисциплин появились новые возможности в объяснении общественного развития и глобального управления социетальными системами. С точки зрения синергетики развитие общества – это многовариантный исторический процесс, представляющий собой взаимодействие хаоса и порядка, чередование стадий стабильной эволюции и бифуркации.

⁴ Крылов А.И. Избранное. М.: Изд-во «Правда», 1986. С. 103.

Хотя развитие общества на глобальном, трансисторическом уровне детерминировано природно-географическими, материальными и социоэкономическими факторами, эта детерминация не является жесткой, линейной. В рамках общей детерминации возможны различные варианты развития и в том числе деградация и даже гибель социальных систем.

Радикальное изменение общества – как в сторону перехода к более высокому типу социальной организации, так и в направлении его деградации (перехода на более низкие уровни самоорганизации) и распада – осуществляется через прохождение стадии бифуркации. Эта стадия (особенно ее высший пункт – точка бифуркации) характеризуется дезинтеграцией системы, резким ослаблением социального порядка, бурным нарастанием явлений хаоса и распада. Бифуркирующая система находится в состоянии крайней неустойчивости. Происходит борьба различных сил и тенденций, ни одна из которых не является доминирующей. Хаотические, в разных направлениях действия людей и социальных институтов приводят к резкому падению функциональной способности системы. Общество находится в состоянии шаткого равновесия. В этот момент даже случайность, малые флуктуации, незначительные в период обычного, «нормального» развития общества воздействия могут оказать решающее влияние на выбор модели общественного устройства, последующую траекторию исторического развития. Иными словами, в точке бифуркации, шаткого равновесия систему достаточно легонько подтолкнуть и она может радикально изменить путь дальнейшего развития. В такие периоды активные действия отдельной личности или небольшой, хорошо организованной группы могут радикально изменить ход развития общества.

В истории России это проявлялось, например, в периоды Больших смут и в частности в октябре 1917 г., когда сравнительно маловлиятельная, небольшая по численности, но хорошо организованная партия большевиков смогла практически бескровно взять государственную власть в огромной стране, за несколько недель установить ее на местах и затем в течение многих десятилетий вести страну по пути достижения привлекательного, но достаточно утопичного коммунистического идеала.

Подобную стадию бифуркации наша страна пережила после августа 1991 г., когда система власти в СССР оказалась парализована. Без какого-нибудь значительного сопротивления со стороны более чем двадцатимиллионной коммунистической партии и ее функционеров Президент РСФСР Б.Н. Ельцин в нарушение действующей Конституции (по Конституции, распустить Союз мог только Съезд народных депутатов) и вопреки выраженному на референдуме желанию подавляющего большинства граждан СССР смог распустить Советский Союз и навязать стране новую, либерально-романтическую утопию, последствия которой оказались не менее разрушительными, чем политика военного коммунизма 1918 – 1920 гг.

Главным двигателем бифуркационных состояний общества (и любой организации) является микрополитика. Сила микрополитики состоит в том, что она коренится в самой природе человека, и в первую очередь в ее преимущественно животной части, в подсознательных структурах психики, резервуарах биопсихической энергии – в «Оно» и, отчасти, в «Я» (в терминологии З. Фрейда). Если лежащие в основе микрополитики преимущественно биологические потребности и эгоистические инстинкты освободить от ограничительного воздействия общественных и коллективных норм и ценностей, от социального контроля в целом, то, став детерминантами социального поведения, они способны буквально взорвать изнутри любую организацию и даже вызвать цивилизационную деградацию общества.

Представляя собой конфликтную диверсификацию целей и деятельности социальных субъектов (акторов), она дезинтегрирует и дезорганизует общество, приводит его в состояние анемии и хаоса. Последний может служить строительной площадкой для социальных систем как более, так и менее высокого уровня. Характер изменений находящегося в хаотическом состоянии общества (и любой другой организации) зависит от того, какая структура-аттрактор утвердится в постхаотический период. Аттрактор представляет собой зародышевую модель будущей общественной организации, одну из альтернатив эволюции социальной системы в условиях нелинейной среды, изменяющейся в разных, самых неожиданных направлениях, а не только от низшего к высшему.

Социальная система обычно содержит различные, но достаточно определенные альтернативы эволюции – структуры-аттракторы. Среда допускает не любой путь развития системы, а лишь ее определенные модели, воплощенные в структурах-аттракторах настоящего. И с этой точки зрения будущее преддетерминирует настоящее, т. е. определяет набор альтернатив его эволюции, которые, в свою очередь, детерминируют его развитие. Первоначально альтернативы эволюции могут локализоваться в некоторых существующих формах организаций-прообразов будущего (например, модель командно-административного социалистического государства была во многом предвосхищена в устройстве коммунистической партии), но наиболее адекватно они представлены в целях системных изменений.

Превращение определенной структуры-аттрактора в системообразующий и системоорганизующий фактор происходит в ожесточенной конкуренции, бескомпромиссной борьбе между альтернативными структурами. При этом промежуточные, компромиссные варианты моделей будущего обречены средой на гибель, поскольку они не могут упорядочить хаос, утвердить новую системную организацию и обеспечить устойчивость и стабильность системы. Такие чрезвычайно слабые и нежизнеспособные модели либо деградируют и распадаются, либо, что гораздо чаще, устраняются структурой-аттрактором, формирующим новый порядок.

Утверждаясь в обществе, новая социальная модель (структура-аттрактор) имеет свою логику существования. Она жестко элиминирует конкурирующие модели (структуры-аттракторы, предлагающие альтернативные варианты развития), структурирует хаос, различные элементы общества по определенному образцу в соответствии со своей логикой, законами. Так например, установившаяся у нас после Октября 1917 г. модель военного коммунизма («единой всенародной фабрики» – В.И. Ленин) требовала жесткой централизации и милитаризации общества, строгой, военной дисциплины, высочайшей концентрации ресурсов и т.п. Пришедшая на смену военному коммунизму модель НЭПа вела общество к рыночному социализму или народному капитализму. Нынешняя модель зависимого развития⁵ по мере ее укрепления с поразительной точностью воспроизводит ее типичные черты, проявившиеся в странах Латинской Америки, Африки и, отчасти – в наиболее отсталых государствах – Азии.

Набор и количество существующих в обществе структур-аттракторов зависит от ряда факторов: уровня экономического и социального развития, размеров и географического положения страны и т.д. Своего рода призмой, опосредующей действие всех других факторов, являются ценности и убеждения людей, непосредственно детерминирующие их социальные позиции и поведение. Каждая структура-аттрактор вырастает на определенной

⁵ См.: Пугачев В.П. Политология. Справочник студента. М.: «Слово», 1999. С. 516–522.

системе ценностей элит, а также (часто со значительным опозданием) масс, в свою очередь заботясь о расширении и укреплении адекватного себе набора ценностей.

Господствующие в массовом сознании ценности оказывают важнейшее влияние на выбор обществом, находящимся в состоянии бифуркации, социальных альтернатив. Так например, даже в случае острого кризиса страна с преобладающими исламскими ценностями неизбежно отвергнет социальную модель, базирующуюся на индивидуализме и атеизме. Как писал М. Вебер, «не интересы (материальные и идеальные), не идеи – непосредственно господствуют над поведением человека, но: «картины мира», которые создались «идеями». Они, как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше «человеческое» действие»⁶. Основу таких «картин мира» составляет система ценностей и убеждений. Именно она непосредственно детерминирует поведение людей, определяет формы и пути реализации их интересов.

Ценностями является все то, что имеет для человека значимость, является объектом его отношения и оценки. Под «убеждениями» принято понимать (особенно в рамках НЛП) суждения и оценки, касающиеся нас самих, других людей и любых явлений окружающего мира⁷.

Убеждения дают личностную оценку тем или иным объектам, связям и отношениям, определяют то значение, которое мы им придаем. Они связывает явления внешнего и внутреннего мира с нашими ценностями и переживаниями. Причем убеждения играют ведущую роль в определении эмоциональной реакции человека, формировании и изменении ценностей. Так например, если человека убедить, что присущая ему ценность, скажем неподкупность, следование служебной этике, в наши дни утопична, что «все берут» и «без этого не проживешь», то такое убеждение постепенно изменит его поведение и приведет к диффузии и элиминации самой этой ценности.

Система общественных ценностей и убеждений построена иерархически и покоится на определенном фундаменте, который составляют ряд системообразующих, основополагающих ценностей. Разрушив или изменив их, можно трансформировать весь ценностный мир человека или, по меньшей мере, способ восприятия им реальности и образ поведения.

Применительно к микрополитике и социальному управлению это означает, что при наличии определенных условий, трансформировав систему массовых ценностей и убеждений в нужном направлении, можно вызвать к жизни мощные микрополитические процессы, привести общество в бифуркационное состояние и предопределить победу одной из альтернатив социальной эволюции.

В перестроечный и, особенно, в постсоветский период в СССР, а затем в России было сделано очень многое для того, чтобы изменить ценности и убеждения людей и тем самым подготовить мощные микрополитические процессы, привести общество и государство в состояние бифуркации и изменить общественных строй. Как пишет известный немецкий специалист по России Кай Элсер, руководящие российской политикой реформирования «западные, особенно американские, советники стали жертвой их собственной идеологии. Их слепое усердие по борьбе против «коллективизма» оказалось сильнее их экономического прагматизма: в результате они разрушили предпосылки, необходимые для реализации их собственных стремлений по завоеванию российского рынка. То есть оказалось, что крестовый поход по искоренению «корней коммунизма» был им явно важнее, чем развитие и

⁶ Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Bd.1 Tübingen, 1986. S. 252.

⁷ Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер. 2001. С. 112 и др.

стабилизация нового порядка на территории бывшего СССР и тем самым в глобальном международном масштабе»⁸.

Едва ли можно согласиться с К. Элерсом в том, что американские разработчики российских реформ (в первую очередь из МВФ), заботясь об устранении ненавистного им социалистического строя, неосознанно программировали в российской политике столь разрушительные, катастрофические процессы. В то же время не только вывод этого специалиста, но и масса реальных фактов однозначно свидетельствуют, что «микрopolитический взрыв» возник в нашем государстве и обществе отнюдь не стихийно, а был в своих главных проявлениях управляемым.

Управление микрopolитикой. Хотя микрopolитика возникает преимущественно стихийно, обычно незаметно для руководства и членов организации, это не означает, что ею нельзя управлять. Микрopolитикой вполне можно управлять посредством косвенного, экологического влияния на порождающие ее причины и регулиующую ее развитие и направленность среду. С помощью целенаправленного воздействия на определенные центры социальной организации и их действия можно ослабить общественный порядок, резко усилить хаотические процессы и создать (даже искусственно) кризисную, бифуркационную ситуацию. В такой ситуации посредством тщательно подготовленных, опирающихся на современные синергетические и другие технологии акций можно радикально изменить общественную систему в нужном направлении, в том числе навязать ей тупиковые или неэффективные модели общественного устройства и даже вызвать деградацию и распад государства.

Согласно синергетики, эффективность управленческого (как созидательного, так и разрушительного) воздействия на систему зависит не от его силы, мощи, энергетических затрат и продолжительности, а от правильно выбранной топологической конфигурации или архитектуры влияния, т. е. от того, на какие взаимосвязанные процессы и в какое время осуществляется воздействие. Малые, но хорошо организованные воздействия на правильно выбранные процессы или центры самоорганизации чрезвычайно эффективны. Очень важно, чтобы такие воздействия были резонансными, т. е. вызывали бурное нарастание других, желательных для управляющего и содержащих большой энергетический потенциал спонтанных процессов. Это может происходить за счет устранения преград на пути развертывания такого рода процессов (например, резкого ослабления контроля за государствами служащими).

В определенных случаях, инициировав или стимулировав те или иные социальные процессы, политическое руководство может вызвать их бурное нарастание подобное ядерной реакции, завершающейся взрывом. При этом, чтобы возбудить мощную синергетическую энергию, часто достаточно очень слабого, малозаметного воздействия. Такое синергетическое воздействие можно уподобить громкому крику в заснеженных горах, который вызывает сметающую все на своем пути лавину. Без вызванного криком слабого колебания воздуха запасы снега могли бы постепенно растаять под лучами летнего солнца, так и не вызвав разрушительного потока. При этом важно, чтобы такой крик раздался в нужное время и в нужном месте, вызвал мультипликационную, геометрически усиливающуюся резонансную реакцию.

В наши дни основанные на выводах теории управляемых катастроф резонансные воздействия применяются в новейших управленческих технологиях. Использование таких технологий очень во многом позволяет вызывать мощные микрopolитические процессы и

⁸ Ehlens K. "Konterrevolution"? // Die Neue Gesellschaft. 1995. Н. 4. S. 324.

бифуркационные ситуации, управлять ими. Одна из наиболее простых, но весьма эффективных синергетических технологий, входящих в арсенал концепций управляемого хаоса, – триггерная или акупунктурная (точечная) технология. Ее весьма эффективно применяли в СССР, а затем в России спецслужбы и внешнеполитические центры США, а также выполняющие их рекомендации и советы российские политики и чиновники. Применяемая в разрушительных целях триггерная технология исходит из того, что для приведения социальной системы в состояние хаоса вовсе нет необходимости воздействовать на все ее элементы или на систему в целом. Для этого достаточно повлиять лишь на ключевые точки определенных процессов. Так например, чтобы разрушить такую мощную социальную систему, какой была советская армия, у ее противников не было необходимости (и возможности) наносить удары по войсковым подразделениям и вести кровопролитную войну. Для этого оказалось достаточным:

- на протяжении многих месяцев не платить офицерам зарплату и сделать ее мизерной;
- обеспечить лояльность верхушки генералитета с помощью его обновления своими людьми, а также скрытого или явного подкупа;
- создать у офицерства ценностный вакуум и массовую иллюзию безальтернативности существующего политического режима;
- ослабить в армии внешний и внутренний контроль.

Эти четыре точечных воздействия оказались достаточными для того, чтобы одни офицеры (их много тысяч) покончили жизнь самоубийством, другие, наиболее квалифицированные – ушли из армии, третьи – нашли дополнительную работу или занялись бизнесом, четвертые – организовали продажу вооружений или начали брать взятки, пятые – махнули на все рукой, погрязли в пьянстве и занятиях, далеких от целей военной службы. В результате использования такой технологии армия тихо и почти без сколь-нибудь серьезного сопротивления деградировала и утратила боеспособность.

Подобные триггерные технологии использовались у нас и на социальном уровне, то есть применительно ко всему обществу. Здесь главными направлениями акций по усилению хаотических процессов стали: контроль за электронными СМИ и прежде всего телевидением и их использование в целях манипулирования массовым сознанием, а также соответствующего программирования сознания и, особенно, подсознания граждан; резкое повышение цен на энергоносители и сырье, сделавшее в одночасье российскую экономику неэффективной; почти полная либерализация цен, которая в условиях сохраняющейся после начала гайдаровских реформ монополизации подорвала мотивацию эффективного производительного труда; номенклатурно-криминальная приватизация, отдавшая владение и, как следствие, верховное управление общенародной собственностью людям, очень далеким от современного менеджмента и национальных интересов страны; резкое ослабление контроля над политиками и чиновниками всех уровней⁹.

В русле концепций управляемого хаоса (и управляемых катастроф) в постсоветской России широко и весьма эффективно использовались новейшие психотропные¹⁰, а также микрополитические технологии. Последние с помощью противопоставления личных и общественных интересов, резкого ослабления социального контроля, разрушения коллективистских ценностей, проповедования индивидуализма и эгоизма и т.д. снимают с поведения человека всякие цивилизационные, культурно-ценностные ограничители и преграды,

⁹ См.: Пугачев В.П. Дестабилизация России: причины и пути преодоления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4. С. 3–14.

¹⁰ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

стимулируют гипертрофированный рост эгоистических инстинктов и влечений. Это очень ярко обнаружилось у нас в период либерализации экономики, суверенизации территорий и прежде всего национальных республик, номенклатурно-криминального приватизации и затем передела общенародной собственности. Именно в это время были созданы основные условия для микрополитического взрыва, последствия которого система государственного управления страны пожинает и сегодня.

Важнейшие условия гипертрофированного роста микрополитики в России. В постсоветской России в ряде отраслей, особенно в политике и системе государственного управления, микрополитика достигла чудовищных размеров. Именно она явилась у нас в стране главным движителем системного (на уровне СССР, а затем и России) распада, подрыва управляемости, организованности и порядка, нарастания хаоса и анархии.

За годы постсоветского реформирования, а частично и раньше, в России на общегосударственном уровне сложилась целая система тотального, всеохватывающего воспроизводства микрополитики. Ее наиболее масштабные проявления – ставшее скорее правилом, чем исключением, личное обогащение политиков за счет использования служебного положения; конвертирование власти в собственность; массовая коррумпированность чиновничества; превращение руководящих должностей в синекуры, средство получения разного рода личных выгод и т.п.

Благоприятные предпосылки для постсоветского «микрополитического взрыва» создались еще в поздний советский период. К числу таких предпосылок относится прежде всего нравственная деградация правящей номенклатурной элиты. Еще в поздние советские времена наши номенклатурные кадры в совершенстве овладели разнообразными микрополитическими тактиками и играми, хорошо освоили двойной язык (официальный, партийно-государственный и неофициальный, используемый в кругу семьи и друзей) и двойную мораль (официальную – коммунистическую и неофициальную – эгоистическую). Большинство представителей правящей российской элиты сделали политическую карьеру в поздний коммунистический период, который был отмечен ослаблением профессионализма и, главное, нравственной дегенерацией правящего слоя, особенно его верхушки. В это время популярность и влияние коммунистической идеологии среди элиты и в обществе в целом сильно упали и на руководящие посты приходили конформистски настроенные люди, не имеющие твердых политических убеждений и нравственных принципов. Они не верили ни в коммунизм, ни в капитализм, ни в Бога, ни в черта, ориентировались лишь на потребительские идеалы западного образца и были готовы служить кому угодно ради собственной выгоды.

Такие люди и составили костяк правящей посткоммунистической элиты в России. Не случайно среди новых российских политических лидеров практически не оказалось диссидентов или просто людей, которые бы пострадали за свои убеждения или бедствовали при коммунистическом режиме.

Преобладание среди номенклатурной элиты лиц без устойчивых политических и нравственных убеждений объясняет практически молниеносное падение коммунистического режима. Не только огромная по своей численности партия, но и огромная армия партийных и комсомольских функционеров без всякого сопротивления восприняла радикальную смену власти в государстве и в своем большинстве очень быстро примкнула к новой, теперь уже антикоммунистической «партии власти».

Нравственное падение новых политических лидеров зашло настолько далеко, что некоторые из них, например, Г. Попов и Г. Бурбулис, в своих интервью публично

оправдывали взяточничество необходимостью тем самым заинтересовать в реформах чиновников (Г. Попов)¹¹ и низкими окладами государственных служащих (Г. Бурбулис)¹². И сегодня почти никто из высших должностных лиц в государстве не поднимает вопрос о законности приобретения узкой группой олигархов огромных состояний и низкой эффективности их использования.

Доминирование у правящей элиты микрополитических ценностных ориентаций проявилось в массовом распространении у ее представителей четко выраженной микрополитической установки – отношения к власти и политике в целом лишь как к средству реализации собственных эгоистических интересов. Эта опирающаяся на нравственную аморфность установка является субъективной основой микрополитики. При наличии благоприятных объективных условий: слабости интеграционных структур, институтов контроля, снижении ответственности и т.д. такая установка непосредственно порождает микрополитику.

После краха коммунистического режима были устранены или сильно ослаблены практически все объективные ограничители микрополитики и прежде всего партийный и государственный контроль. Неожиданно для себя придя к власти и не имея реальной позитивной программы общественных преобразований, новое руководство оказалось не готово к сдерживанию микрополитических устремлений политической и административно-хозяйственной элиты, поддержанию стабильности и порядка в условиях устранения интеграционных властных механизмов в лице партийных органов и командно-административной системы в целом. Оправданию собственной управленческой некомпетентности, неспособности к активному созидательному руководству страной послужила монетаристская модель реформирования экономики. Эта модель предполагает ослабление государственного контроля и государственного управления в целом. Она неплохо работает (хотя далеко не всегда) в демонополизированной экономике некоторых стран запада с вековыми традициями рыночной культуры, высокой организованности и ответственности, развитыми механизмами конкуренции. Однако ее применение в совершенно иных, по сравнению с США, условиях России вполне закономерно парализовало экономику, вызвало настоящий взрыв микрополитической активности и, как следствие, хаос и анархию.

Этому же способствовали и политические идеи нового руководства и прежде всего идея суверенизации страны снизу доверху, выраженная в известном лозунге « Мы дадим каждому столько суверенитета, сколько он сможет проглотить», впервые произнесенном президентом Б.Н. Ельциным еще в августе 1990 г. во время его поездки в Татарию. Примерно 150 лет назад эту же идею «свободного соединения народных ассоциаций, общин, волостей, областей снизу вверх, своеобразно народным потребностям и инстинктам»¹³ отстаивал отец русского анархизма Михаил Бакунин.

Абсурдность и разрушительность идеи суверенизации снизу доверху была хорошо известна уже в начале XX века. Несмотря на это у нас она стала основой государственного строительства, а точнее разрушения сложившегося уже много веков назад единого государства. Явилось ли воскрешение анархистских идей суверенизации лишь следствием политологического невежества и желания высшего руководства отстраниться от управления страной или же это была тщательно подготовленная акция по реализации теории

¹¹ См.: Попов Г. Спасти себя можем только мы сами // Труд. 1991. 12 дек.; Интеллигенция всегда в оппозиции // Аргументы и факты. 1992. № 14, С.1,5.

¹² Бурбулис Г. Скажите, Вы боитесь бунта? // Комсомольская правда. 1992. 6 июня.

¹³ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Полн. собр. соч. Т.2. СПб, 1907. С. 167.

управляемого хаоса применительно к России? Вероятно, и то – со стороны Президента и его ближайшего окружения, и другое – со стороны его заокеанских советников. Однако разрушительные последствия этой политики долго не заставили себя ждать. Провозглашения Российским руководством суверенитета по отношению к другим административно-политическим единицам единого государства, отказ Центра от поддержания политического и административного порядка и предоставление свободы действий национальным и региональным элитам породили бурную микрополитическую, а затем (а часто параллельно) сепаратистскую политическую активность последних.

Национальные и региональные номенклатурные элиты оказались прямо заинтересованы в ослаблении или даже разрушении единого государства по ряду причин. Прежде всего, в результате суверенизации они освободились от неприятного контроля со стороны Центра и превратились в полновластных хозяев в своих вотчинах, получили множество президентских, министерских и т.п. должностей. О такой свободе и обилии привилегий номенклатурный слой раньше не мог даже мечтать.

Кроме того, в бывших союзных и автономных республиках очень многие их новые, зачастую еще менее компетентные и более коррумпированные руководители увидели в национализме и противостоянии России надежный способ сохранения своей власти, занятия теплых местечек и престижных постов. Как известно из социальной психологии, нахождение действительного или мнимого общего врага – наиболее простой и надежный способ сплочения группы или нации и переключения на него народного недовольства. Роль такого врага в большинстве случаев сыграла «имперская Россия» и русские, которых стали изгонять со всех влиятельных должностей, заменяя своими людьми из титульной нации.

Таким образом, после краха коммунистического режима как в экономике, так и в области национально-государственных отношений в результате отстранения государства от своей интеграционной и регулятивной роли с помощью лозунгов либерализации и суверенизации были созданы самые благоприятные условия для микрополитики, разрушительные последствия которой не заставили себя ждать.

Воспроизводство микрополитики в современной России. Гайдаровское «реформирование» создало целую систему микрополитической мотивации и устранило барьеры на пути развертывания наиболее разрушительных для экономики страны и государственного управления хаотических процессов. Именно на этой основе сложился ныне действующий в государстве механизм воспроизводства микрополитики. В условиях выбранного руководством пути реформирования с сохранением привилегий власть имущих этот механизм оказался крайне удобен номенклатурному слою. В постсоветский период микрополитика в формах конвертирования власти в собственность, использования служебного положения для личного обогащения, коррупции и т.п. явилась очень полезным, внешне незаметным инструментом номенклатурной приватизации. Микрополитика обладает замечательным для власть имущих свойством – возможности ее использования в личных целях тем выше, чем большей властью и ресурсами, т.е. чем более высокой должностью обладает ее субъект. Поэтому в результате постсоветской «микрополитической революции» высшие политики и чиновники получили у нас широчайшие возможности незаконного обогащения. Пример этому показала «большая семья» первого президента, особенно его дочь и приближенные – за годы «демократического реформирования» почти все они стали крупными собственниками. Сегодня хорошо известно, что подавляющее большинство (по сведениям Председателя Счетной палаты РФ С. Степашина – свыше 95 процентов) крупных

государственных предприятий было приватизировано у нас с нарушением закона и использованием других микрополитических приемов.

В предыдущие годы правящая элита поощряла рост микрополитики не только из-за стремления иметь действенный канал получения огромных доходов, но и в силу политических соображений. В постсоветской России весьма эффективно используется функция политического умиротворения, которую способна выполнять микрополитика. В российском обществе, особенно по отношению к руководителям и государственным чиновникам, она выполняет роль вентиля, через который выходит пар массового недовольства, разряжается накопившийся потенциал протеста, разочарований и т.п. В результате микрополитического удовлетворения личных интересов как бы восстанавливается социальная справедливость, к людям приходит умиротворение, у наиболее активных из них гасится интерес к коллективным требованиям, пропадает желание бастовать, протестовать и т.п. Конечно, стимулирование микрополитики и пышный расцвет микрополитической мотивации и действий не проходят бесследно, проявляются в снижении эффективности государственного управления, деградации производства, трудовой морали и общества в целом.

Фундаментом или основополагающим элементом механизма тотального воспроизводства микрополитики в экономической сфере является государственная политика оплаты труда, распределения национального дохода и национального богатства в целом. Как уже отмечалось, по степени социального неравенства Россия является одним из мировых лидеров и уже далеко перешла рубеж начала социального деградирования¹⁴. Очевидно, что если львиная доля национального богатства присваивается узкой группой олигархов и их приближенных, если ежемесячно только по официальным данным из страны вывозится около двух миллиардов долларов США, то удовлетворить элементарные жизненные потребности подавляющего большинства граждан и обеспечить совпадение их интересов с интересами государственных и коммерческих организаций просто невозможно. Отсюда неизбежность объективного конфликта интересов, проявляющегося на уровне макрополитики в борьбы партий и групп интересов, на уровне микрополитики – в скрытом присвоении ресурсов организации.

Российские граждане в силу традиционной для страны аполитичности и крайне низкой политической организованности (а в постсоветский период и появления целого ряда других причин, блокирующих политическую и порождающих микрополитическую активность) склонны добиваться удовлетворения своих интересов и «восстановления социальной справедливости» главным образом с помощью различных микрополитических способов: взятки, подарки, присвоение государственных средств, воровство, противозаконное использование служебного положения, обмен услугами за счет государства, безответственность, прогулы, низкое качество работы (субъективно оправдываемые по принципу «За такую зарплату, да еще и стараться?») и т.п.

Особенно ярко конфликты организационных и личных интересов проявляются в государственном аппарате и в бюджетном секторе народного хозяйства в целом. Уровень оплаты труда здесь один самых низких в мире. Сегодня российские бюджетники в качестве

¹⁴ Если в 1992 году по индексу развития человеческого потенциала (HDI) среди 174 стран Россия занимала 52-ю позицию и находилась в группе наиболее развитых государств, то в 1997 году российский HDI опустился на 119-е место – страна попала в группу государств с уровнем развития ниже среднего. HDI рассчитывается на основе ожидаемой продолжительности жизни, уровня образованности, величины реального душевого валового внутреннего продукта и учитывает основные возможности, которыми должны обладать люди, чтобы быть полноценными членами общества и приносить ему пользу.

эталонов для сравнения уже не выбирают США или другие страны Запада, как это было в советский период. Их труд оплачивается порою во много раз ниже, чем в развивающихся и в бывших достаточно бедных социалистических государствах¹⁵.

Без резкого повышения оплаты труда государственных служащих и всех бюджетников едва ли можно обеспечить их высокую организационную мотивацию, побудить отказаться от использования микрополитических приемов, в том числе для получения прямых и закамуфлированных взяток, оправдания невыполнения должностных обязанностей и т.д.

Механизм тотального воспроизводства микрополитики развращает и криминализирует не только представителей государственной, административной и хозяйственной элит, не только руководителей разных уровней, но и рядовых работников. Он ставит людей перед альтернативой: либо действуя в соответствии с законом, организационными и этическими нормами влачить полунищенское существование на фоне процветания разного рода жуликов и рекламного прославления потребительского образа жизни, либо отказаться от всякой морали, «быть как все», т.е. брать взятки, дорогие подарки, продавать оружие и государственные секреты, искать «левые», сомнительные источники доходов и т.п. Особенно печально наблюдать очень во многом вынужденную нравственную и профессиональную деградацию представителей наиболее гуманных по своему социальному назначению профессий: врачей, учителей, преподавателей вузов и т.п., которые в целях выживания или более или менее приличного существования часто вынуждены нарушать профессиональную этику и даже закон.

Способы ограничения микрополитики. Как уже отмечалось, гипертрофированный рост микрополитики губителен для любой организации и в том числе государства. Микрополитику как субъективно заинтересованные конфликтные по отношению к целям организации действия отдельных сотрудников невозможно полностью устранить, поскольку человек обладает свободой выбора и его индивидуальные интересы никогда не совпадают целиком с интересами организации, тотальный же контроль за работниками практически невозможен. Альтернативой микрополитике может быть деятельность людей-роботов, работающих строго по правилам и предписаниям. Мировая практика организации труда, особенно в Японии и США, знает немало примеров эффективного программирования сотрудников на цели и требования корпорации. Однако в реальной жизни полная роботизация сотрудников невозможна как в силу специфической природы человека, присущей ему свободы мысли и действий, так и из-за неспособности организации полностью контролировать сознание и поведение своих сотрудников.

Хотя микрополитику (подобно, например, организационным конфликтам или дорожно-транспортным происшествиям) нельзя устранить полностью, ее масштабы и формы проявления можно и необходимо регулировать, удержания ее в допустимых, не опасных для организации пределах. Главное средство влияния на микрополитику – обеспечение максимально возможного совпадения индивидуальных и организационных интересов. Чем больше такое совпадение, тем меньше потребность в микрополитике, т.к. человек может удовлетворить свои личные интересы через конструктивное организационное поведение. Важно так построить систему мотивации труда, чтобы микрополитические действия были невыгодны: например, зачем брать подарки, если человек достаточно зарабатывает и обнаружение этого проступка чревато суровыми санкциями.

¹⁵ Так например, официальная оплата труда профессора в государственных вузах составляет в России около 100 долларов США, в Польше – примерно 800, в Китае в ведущих вузах – около 1000, во Вьетнаме – около 1000 долларов.

Применительно к современному российскому государству гармонизация индивидуальных и организационных интересов как способ ограничения микрополитики означает прежде всего необходимость снижения уровня социального неравенства и резкое повышение оплаты труда государственных служащих и других категорий работников, особенно высококвалифицированных специалистов и руководителей, в тесной увязке с количеством и качеством их труда. Средства для этого можно было бы сравнительно легко найти, например по примеру Норвегии, Мексики и многих других государств, за счет национализации и рационализации управления предприятиями нефтяной, газовой и некоторых других высокодоходных сырьедобывающих отраслей, приватизация которых в России оказалась неэффективной. Огромные средства государство могло бы получить от введения (например, по образцу Швеции) монополии на производство алкогольной продукции. Важный источник повышения доходов занятых в государственном секторе – сокращение раздутого бюрократического аппарата, а также массовых крайне дорогостоящих загранпоездки высшего и среднего чиновничества. Такие поездки чаще всего не дают никаких положительных для государства результатов и используются фактически бесконтрольно в развлекательных и других личных целях.

Существуют и другие способы ограничения микрополитики. Это прежде всего:

1. Контроль и гласность, публичность поведения. Как уже отмечалось, резкое ослабление контроля (партийного, государственного, общественного, со стороны СМИ) – одна из важнейших причин «микрополитической революции» в постсоветской России. Опыт других стран мира показывает, что ни одна из них не смогла успешно решить задачу реформирования и модернизации страны без создания эффективной системы контроля за политиками и чиновниками всех уровней, за представителями спецслужб, полиции, правоохранительных и других органов. России можно было бы многое перенять, например, из доказавшей свою эффективность системы контроля за государственными служащими, в том числе членами правительства, созданной в Сингапуре. В эту систему включены политические партии, органы ведомственного контроля, спецслужбы, широкая общественность, рядовые граждане. Один из элементов системы контроля – жесткое декларирование чиновниками, их женами, детьми и даже двоюродными родственниками своих доходов.

Для того, чтобы быть эффективным, контроль должен осуществляться и сверху, и снизу, быть независимым и, желательно, перекрестным. Для ограничения микрополитики необходим как текущий контроль, так и, особенно, контроль по результатам. Сегодня первостепенного внимания со стороны органов контроля заслуживают такие явления, как протекционизм, клановость, клиентеллизм и nepотизм в кадровой политике, которые стали частенько прикрывать взятым из менеджмента модным выражением – «формирование команды».

Контроль за должностными лицами крайне затруднен, если в их работе не хватает гласности. Традиционно и особенно в постсоветские годы у нас в стране наблюдался явный дефицит гласности. И сегодня общественность не знает, кто непосредственно готовил и принимал решения, например, по «суверенизации» страны, по передаче оружия и военной техники чеченским сепаратистам, остановке военных действий в момент окружения бандитских формирований во время первой чеченской войны, из каких источников возникли состояния целого ряда высших должностных лиц, куда ушли кредиты МВФ и т.д. Без широкой гласности, прозрачности в работе политиков и чиновников борьба со

злоупотреблениями властью и другими микрополитическими явлениями не может быть успешной.

2. Расширение ответственности сотрудников, ее распространение на любимые микрополитикой «серые» зоны, применение жестких санкций к нарушителям. Этот способ ограничения микрополитики тесно связан с предыдущим. Самый действенный контроль мало чего стоит, если он не влечет за собой ответственности. Почти полная безответственность высших должностных лиц – одна из важнейших причин крайне низкой эффективности российского государственного управления. За постсоветские годы в нашем государстве практически никто из высших должностных лиц не понес никакой ответственности не только за должностные злоупотребления, но и за нарушения закона. Сохранившие личную преданность первому лицу государства проштрафившиеся премьеры становятся послами, губернаторы – министрами, министры – президентами крупнейших государственных компаний и т.п. Все они по-прежнему остаются в правящей номенклатурной обойме, меняется лишь их конstellляция, расположение в системе власти. Без четкого определения и институционализации ответственности любые самые совершенные программы реформирования останутся не более, чем пустыми декларациями и, по крайней мере у нас в стране, в процессе их осуществления будут искажены до неузнаваемости.

Ответственность и контроль должны быть в первую очередь распространены на «серые» зоны, не регламентированные законом и организационными требованиями сферы. Именно здесь, т.е. там, где чиновник при решении вопросов, затрагивающих интересы людей, действует по своему усмотрению по принципу «хочу разрешу (сделаю), хочу нет», наиболее пышным цветом расцветают коррупция и другие микрополитические явления. К сожалению, таких зон безответственности у нас очень много, что плодит массовые чиновничий произвол и злоупотребления служебным положением.

3. Культивирование противовесов. Микрополитику можно эффективно контролировать с помощью другой микрополитики, подобно тому как чрезмерная концентрация власти и злоупотребления ею предотвращаются с помощью системы сдержек и противовесов. Наличие многих центров влияния и принятия решений, обладающих разнонаправленным вектором специфических интересов, позволяет нейтрализовать проявления микрополитики, предотвращать ее гипертрофированный рост.

4. Внедрение дискурсивной модели принятия решений. Тщательное, в том числе с подключением широкой общественности, обсуждение важнейших решений с поиском консенсуса позволяет всесторонне обсуждать рассматриваемые проблемы, учитывать на базе организационных целей интересы и мнения всех сторон.

5. Морализация или этизация организационного поведения с помощью этических кодексов, норм и принципов, устанавливающих требуемое, «правильное» поведение и позволяющих контролировать действия сотрудников. Этические кодексы (или кодексы поведения) особенно важны для развития самоконтроля сотрудников, а также управления «серыми зонами». Для своей эффективности они должны опираться не только на воспитательные мероприятия и общественное мнение, но и предусматривать конкретную административную ответственность.

Социализация сотрудников. Усвоение работниками основополагающих общественных и на этой основе организационных ценностей, этического кодекса, желательных образцов поведения удерживает микрополитику в допустимых пределах. Важнейшую роль в социализации играет организационная культура.

Гуманизация организационных отношений, превращение государственного учреждения (корпорации, фирмы) в содружество. Отношения уважения, солидарности, любви и т.п. делают невозможным эгоистическое поведение, основанное на холодном расчете и личной выгоде за счет других и всего учреждения. Такое поведение вызывает нравственное осуждение и стихийные санкции со стороны окружающих.

Детабуизация микрополитики, т.е. ее признание и снятие запретов на обсуждение микрополитических проблем. Многие считают, что открытые дискуссии о микрополитике и ознакомление с ее приемами стимулируют ее использование и ведут к ее разрастанию. Однако это не так и даже наоборот: если микрополитику не замечать (подобно стыдливому замалчиванию сексуальных потребностей и отношений), то она может достичь гипертрофированных объемов, приобрести наиболее разрушительные формы и выйти из-под всякого контроля. Изучение микрополитики и анализ ее реальных проявлений в организации позволяют своевременно диагностировать масштабы микрополитических проявлений и удерживать их в допустимых рамках, а также вырабатывать иммунитет против наиболее опасных микрополитических действий, принимать необходимые организационные и иные меры.

В условиях гипертрофированного роста микрополитики в современной России каждый руководитель должен в большей степени, чем в нормальной ситуации, учитывать микрополитический аспект управления, систематически анализировать состояние и направленность микрополитических действий, своевременно принимать меры, удерживающие микрополитику под контролем. Для нашей страны был бы очень полезен глобальный, общегосударственный «микрополитический аудит», т.е. проверка государственных учреждений с точки зрения причин, масштабов и характера микрополитики. Несомненно, что выявленные в результате такого аудита систематические злоупотребления и нарушения помогли бы оздоровить все уровни управления и хозяйствования.

Ограничение микрополитики и общее управление микрополитическими процессами – необходимое, а в современной России пожалуй важнейшее условие эффективности государственного управления. Хотя, конечно же, реальные общественные последствия государственного управления прямо зависят не только от ограничения микрополитики, но (особенно при отсутствии микрополитической болезни) от содержания управленческих целей. Однако это может быть предметом специального анализа, выходящего за рамки данной статьи.